

А. В. Котова

СПб гос. университет ветеринарной медицины, Санкт-Петербург, Россия.
anastakot@gmail.com

Е. В. Васева

СПб гос. университет ветеринарной медицины, Санкт-Петербург, Россия.
supreme.jane@gmail.com

СРАВНЕНИЯ В ЛЕМНОССКОМ ЭПИЗОДЕ В «АРГОНАВТИКЕ» ВАЛЕРИЯ ФЛАККА И «ФИВАИДЕ» СТАЦИИ¹

В статье проводится сопоставительный анализ использования сравнений в описаниях лемносского эпизода в «Аргонавтике» Валерия Флакка (2, 78–431) и «Фиваиде» Стация (5, 49–498). В структуре эпизода выделяются три части: лемноская резня, пребывание аргонатов, отплытие аргонатов. Два эпоса рассматриваются отдельно в хронологическом порядке с целью определения роли и общего значения сравнений в отдельных частях изложения этого эпизода, а также анализа внутри- и интертекстуальных параллелей и различий.

Ключевые слова: Лемнос, Валерий Флакк, Аргонавтика, Стаций, Фиваида, сравнение.

A. V. Kotova

SPb. State University of Veterinary Medicine. St.Petersburg, Russia. anastakot@gmail.com

E. V. Vaseva

SPb. State University of Veterinary Medicine. St.Petersburg, Russia. supreme.jane@gmail.com

The similes in the Lemnian episode of Valerius Flaccus' *Argonautica* and Statius' *Thebaid*

This paper proposes a comparative analysis of the usage of similes in the depiction of the Lemnian episode in Valerius Flaccus' *Argonautica* (2, 78–431) and Statius' *Thebaid* (5, 49–498). The two epic poems are discussed separately, in a chronological order. Such principle allows to define the role and the whole meaning of similes in separate parts of the episode, as well as analyse textual and intertextual parallels and differences. The Lemnian episode might be divided in three parts: the Lemnian massacre, the visit of the Argonauts, and the departure of the Argonauts. The first part includes 5 similes in *Argonautica* and 7 similes in *Thebaid*, the second 1 and 4 similes respectively. The third part includes no similes in either of the poems.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00178, <https://rscf.ru/project/23-28-00178>.

In the *Argonautica*, the similes of the first part of the episode illustrate the direct and diverse divine interventions in human affairs and their influence on one's actions and character. They also show the Lemnian women, apart from Hypsipyle, as a single group with shared consciousness and practices. The single simile of the second part present in the *Argonautica* describes Jason's personality as a hero and functions as a departure point in the narrative structure.

The similes in the *Thebaid* concern mostly the description of Lemnian women and their actions: the unanimous arousal, the preparation, the murder, and consequent state. The images of three female figures are emphasized by the use of a simile: Polyxo as an instigator, Hypsipyla as an eyewitness, and Lycaste as an active participant. In the *Thebaid*, similes fulfil not only a depictive but also a structural function, by closing the first part of the Lemnian episode and opening the second.

The imagery of infernal deities is employed in 50% of the cases of comparisons in Valerius Flaccus' *Argonautica*. The 45% of the *Thebaid*'s similes employ the images of animals, portraying the atmosphere of violence, the victim's position, and representing the tragic results of the murderous actions.

The semantic and lexical similarities show intertextual connections of Valerius Flaccus and Statius with their predecessors and demonstrate the personal creative method of the poets in constructing similes.

Keywords: Lemnos, Valerius Flaccus, *Argonautica*, Statius, *Thebaid*, simile.

История об убийстве лемносскими женщинами своих мужчин и пребывании аргонатов на острове представлена в разных версиях мифа² и является предметом многих научных исследований. В настоящей статье проводится сопоставительный анализ использования художественного приема сравнения в описаниях лемносского эпизода в римских эпических поэмах I в. н. э. «Аргонавтике» Валерия Флакка (2, 78–431) и «Фиваиде» Стация (5, 49–498). Два эпоса рассматриваются отдельно в хронологическом порядке с целью определения роли и общего значения сравнений в отдельных частях эпизода, а также анализа внутри- и интертекстуальных параллелей и различий.

В повествовательной структуре эпизода выделяются три части: лемносская резня, пребывание аргонатов, отплытие

² «Мифологическая библиотека» Аполлодора (1, 9, 17); трагедии «Лемносские женщины» Софокла, «Гипсипила» Еврипида; комедия «Женщины с Лемноса» Аристофана; эпосы «Аргонавтика» Аполлония Родосского, «Аргонавтика» Валерия Флакка, «Фиваида» Стация; «Героиды» Овидия (Her. 6) и др.

аргонавтов³. В таблице 1 представлены данные о местах расположения сравнений и их объектах в текстах обеих поэм.

Табл. 1. Сравнения в структуре лемносского эпизода в «Аргонавтике» Валерия Флакка и «Фиваиде» Стация (Similes in the Structure of the Lemnian Episode in Valerius Flaccus' *Argonautica* and Statius' *Thebaid*)

Структура эпизода	«Аргонавтика» (2, 78–431)		«Фиваида» (5, 49–498)	
	Место	Объект сравнения	Место	Объект сравнения
Лемноская резня <i>Arg.</i> 2, 78–310 <i>Theb.</i> 5, 49–334	2, 89–91	падение Вулкана с небес	5, 90–99	Поликсо
	2, 106–106	Венера	5, 143–146	лемносские женщины
	2, 156	лемносские женщины	5, 164–169	Гипсипила
	2, 190–195	лемносские женщины	5, 202–205	лемносские женщины
	2, 220–228	лемносские женщины	5, 231–235	Ликаста
			5, 261–264	картина убийства
			5, 326–334	лемносские женщины
Пребывание аргонавтов <i>Arg.</i> 2, 311–427 <i>Theb.</i> 5, 335–467	2, 384–389	Ясон	5, 335–339	корабль «Арго»
			5, 347–349	лемносские женщины
			5, 385–393	лемносские женщины
			5, 422–430	аргонавты
Отплытие аргонавтов <i>Arg.</i> 2, 428–431 <i>Theb.</i> 5, 468–498				

³ В статье используется структура эпизода, предложенная У. Домиником (Dominik 1997: 30) и принятая большинством исследователей. Текст «Аргонавтики» приводится по изданию Poortvliet 1991, «Фиваиды» — по изданию Hall, Ritchie, Edwards 2007.

«Аргонавтика» Валерия Флакка

Лемносский эпизод Валерия Флакка содержит шесть сравнений, которые выделяют в повествовании следующие моменты.

Первое сравнение напоминает о связи Вулкана с островом Лемнос — сброшенный с неба, «день и ночь напролет он падал, как в вихре, пока, наконец, не обрушился с грохотом на берег Лемноса» (2, 89–91). В своем рассказе о падении Вулкана с небес поэт опирается на версию Гомера, где Гефест сброшен Зевсом в наказание за попытку спасти свою мать Юнону (*Il.* 1, 590–594), подвешенную за запястья к небу с помощью золотых браслетов (*Il.* 15, 18–24), и демонстрирует свое умение соединять мифологические данные, которые до сих пор были, по крайней мере частично, несвязанными⁴.

Второе сравнение предваряется объяснением причин враждебности Венеры к лемносскому народу. Публичное разоблачение Вулканом ее связи с Марсом привело к тому, что островитяне пренебрегли поклонением Венере — ее алтари остыли без жертвоприношений. Гнев богини является причиной последующих ужасных событий: она замышляет месть и сеет смертельные разрушения для виновного Лемноса. Поэт показывает двойственность Венеры, противопоставляя милостивый вид, «когда она скрепляет свои волосы золотой заколкой ...», ее зловещей стороне, уподобляя стигийским девам, свирепым и огромным, с потрескивающим факелом и черной мантией (2, 104–106). Это поддерживается двойным *eadem*, которые начинают описание «доброй» и «злой» стороны, а также контрастом прилагательных *sidereos* (104) и *nigram* (106).

Венера побуждает Молву распространить среди лемносских женщин слух о том, что их мужья, поработанные роскошью и постыдной похотью, возвращаются с фракийскими наложницами. В традиционном эпическом мотиве божественного переодевания Молва, принявшая облик Неаэры, обращается к Эвриноме с речью, тщательно построенной и воздействующей на чувства слушателя⁵. Намереваясь убедить Эвриному ото-

⁴ Подробнее об этом см. Poortvliet 1991: 75–76; Smith 1988: 47.

⁵ Речь Молвы имеет прецеденты как в литературе, так и в ораторской практике. Она напоминает «речь лживого вестника» в греческой трагедии (например, *Soph.* *Tr.* 248 sqq.), а также речь Синона в «Энеиде» (2, 77 sqq.), где он в полной мере использует различные риторические приемы, чтобы убедить троянцев поверить ему. Аспект убеждения

мстить, Молва использует сравнение: «Ты знаешь, насколько наша природа подобна пламени» (2, 156), которое относится к огненному темпераменту женщин, быстро меняющемуся и разрушительному. Ее речь, благодаря своему пафосу, вызывает эмоциональную реакцию и производит желаемый эффект. Вдохновленные сверхъестественными силами, слухи об измене их мужей начинают набирать силу, и лемносских женщин охватывает безумие.

С фальшивым приветствием и ликованием они встречают своих мужей, прибывших из Фракии. Следующее сравнение подчеркивает их двуличие и обман: разъяренные и жаждущие действовать, они возлежат рядом со своими мужьями на пиру, как Тисифона рядом с Флегием и Тесеем в подземном мире, не давая прикоснуться к еде и обвивая их своими мерзкими змеями (2, 190–195). Сравнение Валерия Флакка напоминает сцены из подземного мира, описанные Вергилием, где Фурия мучает грешников, «то за столом возлежит, не давая к еде прикоснуться, то встает и, громко крича, поднимает свой факел» (*Aen.* 6, 605–607), что поддерживается также лексическими параллелями между пассажами: *mensasque – mensas, accubat – accubat, iuxta – iuxta*.

Венера появляется в своем яростном аспекте и инициирует резню, делая вид, что наносит первый удар. Следующее сравнение отражает действия лемносских женщин и показывает их ужасающие масштабы. Они убивают своих мужчин, которые либо не знают о своей участи, либо парализованы страхом при виде своих жен, чей внешний вид разгневанная Венера сделала адским (2, 220–229).

Описание лемносской резни напоминает рассказ Энея о падении Трои (*Aen.* 2). Лексические и смысловые переключки проводят параллель между событиями в Лемносе и нападением на город: *invadunt aditus* (*Arg.* 2, 220) — *invadunt urbem* (*Aen.* 2, 265), *labat ariete crebro / ianua et emoti procumbunt cardine postes* (*Aen.* 2, 493–494).

Возвращение жителей острова к нормальной жизни связано с прибытием корабля «Арго». Всеведущий повествователь сообщает, что ярость лемносских женщин побудила бы их напасть и на аргонавтов, если бы Вулкан не успокоил гнев Венеры (2, 313–315). Прибыв на остров, они получают теплый

особенно важен, и речь Синона, как и речь Молвы, напоминает суасории, практикуемые в школах риторики того времени (Smith 1988: 75).

прием и наслаждаются своим пребыванием, пока Геркулес, остававшийся все это время на корабле, не напоминает им о цели путешествия в резких выражениях (*monitis ... amaris*, 2, 385)⁶. Прямолинейный упрек Геркулеса возвращает Ясона к чувству долга и осознанию важности экспедиции, которые иллюстрируются сравнением (2, 384–389):

<...> haec ubi dicta,

haud secus Aesonides monitis accensus amaris
quam bellator equus, longa quem frigida pace
terra iuvat, quique in laevos piger angitur orbes,
frena tamen dominumque velit, si Martius aures
clamor et obliti rursus fragor impleat aeris.

«Когда он так сказал, Эсонид воспламенился от горького предостережения не иначе, как боевой конь, который землей, холодной от долгого мира, и который вяло ограничен левыми кругами, но все же хотел бы иметь удила и хозяина, если бы боевой клич и рев забытой меди снова наполнили его уши».

Важно отметить, что в этом сравнении речь идет о *bellator equus* (386). Сам Ясон до сих пор не выступал в роли воина, таким образом, изображение боевого коня может указывать на предстоящие сражения, в которые герой отправляется. Но война, о которой идет речь, резко контрастирует с жизнью, которую Ясон ведет на Лемносе — как лошадь забыла звук труб (*obliti ... fragor ... aeris*, 389), так и он не помнит истинной цели своих начинаний⁷.

Это изображение опирается на предшествующую традицию, в которой воин, спешащий на битву, сравнивается с застоявшимся конем, обрывающим привязь и устремляющимся на простор — так представлены Парис и Гектор у Гомера (*Il.* 6, 506–511; 15, 263–268), Турн у Вергилия (*Aen.* 11, 492–497), Ясон у Аполлония Родосского (*Arg.* 3, 1259). Валерий Флакк использует сравнения своих литературных предшественников,

⁶ Подобное предупреждение получил Эней от Меркурия в «Энеиде» (4, 265–276).

⁷ В первой книге поэмы поэт подчеркивает стремление Ясона к славе, и эта характеристика персонажа сохраняется как основная на протяжении всего эпоса (Dominik 2002: 190). В отличие от него, Геркулес совершает великие подвиги по собственному побуждению, поэтому неудивительно, что мотивация для возвращения к основному действию исходит от него (Manuwald 2013: 42).

изменяет их и придает вновь созданному образу более глубокий смысл с помощью обратных ссылок (Gärtner 1994: 83).

Сравнения в первой части лемносского эпизода «Аргонавтики» отражают прямое и разнообразное божественное вмешательство в людские дела и влияние на человеческие характеры (Finkmann 2015), а также представляют лемносских женщин, за исключением Гипсипилы, как единую группу, характеризующуюся общностью сознания и деятельности. Отметим, что личной истории Гипсипилы, которая изображена позитивно и в своем отношении к отцу демонстрирует идеал римского пиетета, не посвящено ни одно сравнение⁸. Единственное сравнение во второй части по своему содержанию служит для образной характеристики Ясона, а в развитии сюжета выполняет функцию обозначения места отправления.

«Фиваида» Стация

Между версиями Стация и Валерия Флакка есть определенные сходства и различия, значимые для целей нашей статьи. Что касается сходств, то процентное соотношение между частями эпизода примерно одинаково у обоих авторов: у Валерия Флакка оно составляет 66 – 34 – 1 соответственно, у Стация 63 – 30 – 7. Различия состоят, во-первых, в количестве сравнений, используемых авторами. В поэме Стация их 11 при объеме эпизода 450 стихов, у Валерия Флакка их 6 в 354 стихах. Во-вторых, в лемносском эпизоде «Фиваиды», в отличие от «Аргонавтики», повествование ведется от лица Гипсипилы. Поэмы Валерия Флакка и Стация по-разному обозначают средства, из-за которых лемносские женщины воспламенились безумием. Подстрекательство, которое в «Аргонавтике» было совершено Молвой, представлено в «Фиваиде», но Стаций возлагает вину на Поликсо.

⁸ Гипсипила Валерия Флакка часто сравнивается с Дидоной Вергилия, а остановка аргонавтов на Лемносе соответствует пребыванию Энея в Карфагене (Heerink 2020: 195). Можно было бы ожидать использования приемов сравнения в описании взаимоотношений Гипсипилы и Ясона, особенно в сцене прощания. Отметим, что в «Энеиде» борьба чувств и побуждений героев находит отражение в девяти развернутых сравнениях, а самой Дидоне посвящено три сравнения (Kotova 2022: 91).

О значимости ее роли в лемносской истории говорит тот факт, что первое сравнение в эпизоде посвящено ей. Оно отражает трансформацию Поликсо, которая принимает мстительный импульс Венеры и внезапно впадает в вакхический транс (5, 90–99).

Сравнив ее с вакханкой, Стаций изображает Поликсо, обращающуюся к лемносским женщинам с речью, которой она разъяряет их, делая похожими на амазонок (5, 143–146). Она призывает их в рощу, где они освящают свои клятвы убийством сына Чаропа, в котором все женщины, кроме Гипсипилы, наносят ему удары ножом.

В завершение рассказа Гипсипилы ее состояние страха и неопределенности передается сравнением с ланью, которую преследуют волки (5, 164–169), где действие прерывается до того, как событие может быть разрешено, и остается неясным, поймана ли лань или в конце концов убегает, что создает гнетущее состояние неизвестности и выражает страх и тревогу (Simms 2020: 55).

Лемносские мужчины, вернувшиеся из успешного похода во Фракию, не знают, что их ждет. Вместе со своими женами они устраивают пир, и когда звуки ранней ночи стихают, их одолевает сон, который Гипсипила описывает с дурным предчувствием и сопоставляет со смертью.

Однако пока мужчины спят, их жены и невестки, подстрекаемые фуриями, готовятся к следующему шагу, который находит отражение в сравнении. В нем женщины сопоставляются со львицами, которых голод и материнский инстинкт гонит по скифским степям, чтобы окружать добычу (5, 202–205). Это сравнение создано с опорой на пассаж из «Энеиды», в котором троянцы, прокладывая себе дорогу в ночном городе, сопоставляются с голодными волками (2, 355–360). Между этими сравнениями наблюдаются смысловые и лексические переключки: *cuncto sua regnat Erinys pectore — animis iuvenum furor additus; exegit — exigit; catulique — nati; relictis faucibus exspectant siccis — fames, implorant ubera; per tela, per hostis — per agros*. Но даже когда Стаций прибегает к словесному подражанию, он творчески перерабатывает материал своих литературных предшественников (Parkes 2014: 328).

В подтверждение этому отметим, что сравнение из «Фиваиды» отражает противоположность мотива людей и животных:

в то время как действия львиц направлены на сохранение жизни детенышей и своих собственных, деяния лемноских женщин нацелены на уничтожение жизни на Лемносе, которое неизбежно случится во времени как результат истребления всех мужчин.

Следующему сравнению предшествует список умирающих юношей, названных по именам; некоторым дается описание внешности, другим — способ смерти. Юная Ликаста, убившая своего брата-близнеца Кидима под давлением собственной матери, сравнивается со зверем, который послушен своему хозяину (5, 231–235). Это описание содержит отсылки к сравнению мучимой противоречивыми чувствами Медеи с собакой в седьмой книге «Аргонавтики» Валерия Флакка (7, 121–126)⁹: оба пассажи связаны с животными, которые нездоровы; в них упоминаются родители; содержатся лексические переключки: *sic* — *sic* (в одном случае вводит объект сравнения, в другом — образ сравнения); *erili* – *magistro*; *rabieque* — *rabiem*.

Картина, отражающая масштабы ночной лемноской резни, которую видит Гипсипила, представлена сравнением с битвой лапифов и кентавров (5, 261–264), описание которой находит аллюзии в «Метаморфозах» Овидия (12, 210 sqq.)

Длинное повествование Гипсипилы неизбежно вызывает в памяти еще более длинную историю, которую Эней рассказывает в Карфагене, а резня на Лемносе напоминает битву, сопровождавшую разграбление Трои (Vessey 1970: 47)¹⁰.

Начало нового дня открыло ночное злодеяние, женщин охватил стыд и страх, их скорбь растет, стенания становятся громкими, и они проклинают Поликсо. Следующее за этим сравнение отражает последствия потери сильного вожака для остального стада, когда главный бык убит львом (5, 326–334). Это сравнение закрывает первую часть в составе эпизода.

Вторая часть эпизода, посвященная пребыванию аргонатов, открывается сравнением, в котором корабль «Арго» упо-

⁹ Подробнее об этом сравнении см. Kotova 2019: 582–586.

¹⁰ Рассказ Энея о гибели Трои сопровождается одиннадцатью сравнениями. В описании боев мощь и неотвратимый натиск данайцев сопоставляются со стихийными явлениями природы — ветром и водными потоками, сносящими все на своем пути (*Aen.* 2, 413–419; 494–499), также сравнения присутствуют в изображениях и характеристиках отдельных героев (*Aen.* 2, 220–224; 378–382; 469–475) (Kotova 2022: 90).

доблен острову и скале (5, 335–339). Подобное изображение встречается в «Энеиде», где корабли в море сравниваются с горами и островами (8, 691–693). Описания в «Энеиде» и «Фиваиде» сближаются лексическими переключками: *pelago* — *aequora*, *ponti*, *pelago*; *credas* — *credas*; *montis*, *montibus* — *montem*.

Реакция женщин тоже передана в сравнениях: сочтя аргонавтов войском фракийцев, они направились к своим домам с шумом, подобным «обившимся тесно стадам или снявшимся птицам» (5, 347–349)¹¹, и воспротивились высадке аргонавтов силой оружия (5, 385–393). Стаций представляет традиционную батальную сцену, в которой обилие летящих стрел сопоставляется с ливнем и градом. В сравнении содержатся лексические отсылки к пассажиру из «Энеиды», в котором представлена битва троянцев за город (*Aen.* 9, 664–671): *telis* — *telorum*; *verberat* — *verberat*; *humum* — *agros*, *campis*; *nimbi* — *nimbis*; *Iuppiter* — *Iuppiter*; *hiemem* — *hiems*.¹²

Наконец, Ясон просит перемирия, и вся команда сходит на берег; это событие также отражено в развернутом сравнении, в котором аргонавты сопоставляются с богами, сошедшими на землю, реки и горы дают им место, а Земля гордится их поступью (5, 422–430). Это сравнение является последним в лемносском эпизоде Стация.

Сравнения в «Фиваиде» преобладают в описании лемносских женщин и отражают их действия на всех этапах: объединение в общем порыве, подготовка, само деяние и состояние после него. Индивидуальными сравнениями выделены три женских персонажа: Поликсос как зачинщик, Гипсипила как свидетель и Ликаста как участник. Богиня Венера, занимающая видное место в этом повествовании, а также традиционная

¹¹ Особый шум, создаваемый людьми, в эпосе часто сопоставляется с голосами птичьих стай (*Aen.* 7, 698–705; 10, 262–265; 11, 454–458; *Val. Fl.* 6, 163–167). В «Фиваиде» есть два сравнения, представляющие подобным образом голоса женщин в состоянии сильных эмоций – горя (12, 476–480) и радости (12, 512–518).

¹² Сопоставление частоты ударов с градом и ливнем встречается в эпосе в различных контекстах: в описании кулачного боя (*Aen.* 5, 458–460), в описании возничего (*Theb.* 6, 421–423), в батальной сцене (*Theb.* 8, 406–411).

ассоциация Лемноса с Вулканом в сравнениях не представлены в отличие от поэмы Валерия Флакка.

История спасения Гипсипилой своего отца, а также очевидное сходство между Гипсипилой/Ясоном и Дидоной/Энеем в сравнениях отражения не нашли в обеих рассматриваемых поэмах.

Вторая часть эпизода, посвященная прибытию и пребыванию аргонавтов, содержит в произведении Стация четыре сравнения в отличие от повествования Валерия Флакка, в котором встретилось только одно сравнение.

Сравнения в «Фиваиде», помимо образно-характеризующей, выполняют функцию сюжетно-тематического деления текста¹³, закрывая первую часть эпизода «лемноская резня» и открывая вторую «прибытие аргонавтов». В этом аспекте структурная функция сравнений в «Фиваиде» более развита по сравнению с «Аргонавтикой».

Важное значение имеет последнее сравнение в эпизоде. В «Фиваиде» оно отражает высадку аргонавтов на Лемнос, символизируя начало новой жизни, в то время как в «Аргонавтике» подготовка к отъезду означает завершение истории. Отметим, что третья часть эпизода, посвященная отплытию аргонавтов, в обеих поэмах сравнений не содержит.

В «Аргонавтике» в 50% случаев в качестве образов сравнений используется изображение темных сил подземного мира. В «Фиваиде» в 45% сравнений образы животных передают атмосферу насилия, характеризуют положение жертв и представляют трагические результаты происходящих событий. Многочисленные смысловые и лексические переклички показывают интертекстуальное взаимодействие Валерия Флакка и Стация с литературными предшественниками, а также демонстрируют личный творческий метод поэтов в создании сравнений.

Литература

Dominik, W. J. 1997: Ratio et Dei: Psychology and the Supernatural in the Lemnian Episode. In: *Studies in Latin Literature and Roman History VIII*. C. Deroux (ed.). Bruxelles: Latomus, 29–50.

¹³ Различные функции сравнений в «Фиваиде» намного превосходят указанные. Подробнее об этом см. (Dominik 2015).

- Dominik, W. J. 2002: Speech in Flavian Epic. In: *Hommages à Carl Deroux. Vol. 1, Poésie*. P. Defosse (ed.). Bruxelles: Latomus, 183–192.
- Dominik, W. J. 2015: Similes and their Programmatic Role in the Thebaid. In: *Brill's Companion to Statius*. W. J. Dominik, C. E. Newlands, K. Gervais (eds.). Leiden, Boston: Brill, 266–290.
- Finkmann, S. 2015: Polyxo and the Lemnian Episode — An Inter- and Intratextual Study of Apollonius Rhodius, Valerius Flaccus, and Statius. *Dictynna* 12. URL: <http://journals.openedition.org/dictynna/1135>
- Gärtner, U. 1994: *Gehalt und Funktion der Gleichnisse bei Valerius Flaccus*. Stuttgart: Franz Steiner.
- Hall, J. B., Ritchie, A. L., Edwards, M. J. P. (eds.) 2007: *Papinius Statius. Thebaid and Achilleid. Volume I. Text and Critical Apparatus*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing.
- Heerink, M. 2020: Replaying Dido: Elegy and the Poetics of Inversion in Valerius Flaccus' Argonautica. In: Intertextuality in Flavian Epic Poetry: Contemporary Approaches. N. Coffee, Ch. Forstall, L. Galli Millic, D. Nelis (eds.). Berlin, Boston: De Gruyter, 189–205.
- Kotova, A. V. 2019: [On the Sources of the Simile in Valerius Flaccus 7. 121–126]. In: *Indoeuropejskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija* 23–1 [*Indo-European Linguistics and Classical Philology* XXIII (1)], 580–586.
- Котова, А. В. 2019: Об источниках одного сравнения у Валерия Флакка (V. Fl. 7. 121–126). В: *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23–1, 580–586.
- Kotova, A. V. 2022: [Similes in Narrator's and Characters' Speech as Traditional Elements of Epic Style (on the Material of Virgil's 'Aeneid')] In: *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 84–109.
- Котова, А. В. 2022: Сравнения в речи повествователя и персонажей как традиционные элементы стиля эпического текста (на материале «Энеиды» Вергилия). *Studia Litterarum*. 7 (3), 84–109.
- Manuwald, G. 2013: Divine Messages and Human Actions in the Argonautica. In: *Ritual and Religion in Flavian Epic*. A. Augoustakis (ed.). Oxford: Oxford University Press, 33–51.
- Parkes, R. 2014: The Epics of Statius and Valerius Flaccus' Argonautica. In: *Brill's Companion to Valerius Flaccus*. M. Heerink, G. Manuwald (eds.). Leiden, Boston: Brill, 326–339.
- Poortvliet, H. M. 1991: *C. Valerius Flaccus Argonautica Book II: A Commentary*. Amsterdam: VU University Press.
- Simms, R. 2020: *Anticipation and Anachrony in Statius' Thebaid*. London, New York: Bloomsbury Academic.
- Smith, A. H. 1988: *A Commentary on Valerius Flaccus' Argonautica II*. Oxford.
- Vessey, D. W. T. C. 1970: Notes on the Episode in Statius: Thebaid 4-6. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 17, 44–54.